

А. М. Астахова

Отголоски сказания о Бове-королевиче в русском эпосе

Русские обработки западной повести о Бове неоднократно подвергались исследованию. В частности, ставился и освещался вопрос об их взаимоотношении с русским народнопоэтическим творчеством. Отмечались и общее воздействие на эти обработки русского сказочно-былинного стиля, и близость отдельных эпизодов и мотивов, и включение самого сюжета в русскую устную сказочную традицию¹.

Закономерно встает вопрос и о том, имеются ли какие-либо отражения повести в былинной традиции. Ведь лубочные листы с текстом сказания о Бове стали распространяться еще с первой половины XVIII в.² и, судя по сообщениям северных сказителей былин, попадали в их среду³. Еще ранее повесть стала включаться в рукописные сборники⁴. Во второй половине XIX в. широкое хождение в народе получили дешевые книжки с изложением сюжета сказания в переработках Ф. Исаева, И. Кассирова, И. Ивина и других авторов, специально привлекаемых к этому издателями «народной литературы» А. Морозовым, И. Сытиным, Т. Губановым и др. Параллельно с лубком и народной книгой распространялись устные сказки о Бове, восходящие к тем же лубочным листам и книжным переделкам, а также к спискам повести в рукописных сборниках.

Об особом отношении к сказкам о Еруслане и о Бове некоторых исполнителей былин нам уже приходилось говорить⁵. Они выделяли

¹ См. краткий обзор изучения этих вопросов в статье В. Д. Кузьминой «Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции», Старинная русская повесть. Статьи и исследования под редакцией Н. К. Гудзия, М.—Л., 1941, стр. 100—103; см. также: В. Д. Кузьмина. Указ. соч., стр. 84 и 104; Е. Н. Елеонская. Несколько замечаний о русских сказках. «Этнографическое обозрение», 1905, № 1, стр. 158—166.

² О наиболее раннем из известных лубочных изданий сказания о Бове, «Истории о Бове-королевиче», сообщает Д. Ровинский в книге «Русские народные картинки», т. I, СПб., 1881, стр. 76—82. В изданиях начала XIX в. известен более полный текст: «Сказка полная о славном, сильном, храбром и непобедимом витязе Бове-королевиче и прекраснейшей супруге его королевне Дружневне». См.: Д. Ровинский, Указ. соч., стр. 83—113.

³ Так, например, по словам известной беломорской сказительницы М. С. Крюковой, у них в семье были «в лицах» и «Еруслан Лазаревич», и «Бова-королевич».

⁴ См. список рукописных текстов, обнаруженных до 1940 г., в «Библиографии древнерусской повести», составленной В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, вып. 1, М.—Л., 1940, стр. 155—157.

⁵ См. А. М. Астахова. К вопросу об отражениях в русском былинном эпосе сказания о Еруслане. «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XIV, М.—Л., 1958, стр. 505 (в дальнейшем — Труды ОДРЛ, XIV).

эти сказки как родственные в какой-то степени героическому эпосу, и это часто приводило к тому, что в фольклорный репертуар исполнителей были, даже при малом знании ими сказок вообще, входили сказки о Еруслане и Бове.

В какой же мере, как и в чем все это сказалось на былинном эпосе?

По этому вопросу в литературе имеются лишь отдельные беглые замечания. В указанной выше статье В. Д. Кузьминой автор, отметив широкую известность сказки о Бове в устах народных мастеров-сказочников, пишет: «Ряд героев этой сказки, некоторые мотивы и даже целые эпизоды из нее рассеялись по многим русским сказкам и *былинам*» (курсив наш. — А. А.)⁶. Противоположное суждение в свое время высказал А. Н. Веселовский: «Собственно в былины не проник, если не ошибаюсь, ни один из героев заходящей итальянской повести: все они опоздали своим приездом на Русь. Для истории русского эпоса это terminus ad quem, если точно определить время перехода повести, успевшей обратиться в русскую сказку, подарившей нас в XVII веке даже личным именем Бовы, но поступившейся перед цельностью законченного эпического цикла»⁷.

Действительно, Бова не стал героем русской былины. И даже на позднейшем этапе жизни былинного эпоса в устной традиции, когда все более и более нарушаются жанровые границы былины и сказки и наблюдаются попытки ввести в круг былин не только отдельные сказочные эпизоды, но и целостные сказочные сюжеты⁸, мы знаем лишь один случай, когда Бова был распет былиною, и этот случай не дает еще оснований предполагать наличие какой-то традиции, как это сделано в отношении «Еруслана»⁹. Распет «Бова» был Марфой Семеновной Крюковой (запись Э. Г. Бородиной-Морозовой в октябре 1940 г.)¹⁰, и этот факт — только лишний штрих для характеристики творческих тенденций сказительницы. По особенностям переложения, чрезвычайно растянутого (5225 стихов!), — рыхлой композиции, многословию, нескладному переиначиванию отдельных эпизодов, навязчивому повторению трафаретных в былинах Крюковой формул — ясно, что в репертуаре самой сказительницы это — не оформившееся когда-либо ранее произведение, а возникшая в момент записи неудачная импровизация сказки, которую М. С. Крюкова к тому же не очень точно и помнила. Кстати, среди многочисленных подобных «пропеваний» М. С. Крюковой ее «Бова-королевич» — одно из самых неудачных. Никаких фактов, которые говорили бы о других попытках распевать «Бову» в виде былины, не имеется: ни конкретных случаев оформления отдельных частей сказания в былины, ни соответствующих указаний собирателей, как то мы видели в отношении «Еруслана»¹¹.

Думаем, что это объясняется, во-первых, тем, что «Еруслан» в целом героичнее «Бовы», что в нем больше непосредственных сближений с эпосом, в частности с былинами об Илье Муромце, во-вторых — слож-

⁶ В. Д. Кузьмина. Указ. соч., стр. 84.

⁷ А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. 2, СПб., 1888, стр. 245—246.

⁸ См. об этом: А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере, Петрозаводск, 1948, стр. 136—151, 175—213.

⁹ Труды ОДРЛ, XIV, стр. 507—509.

¹⁰ Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, РУ, колл. 146, п. 3, № 1.

¹¹ Хотя М. С. Крюкова и сообщила собирательнице, что слышала «Бову» от своего деда, Гаврилы Леонтьевича Крюкова, который будто бы иной раз «сказкой сказывал», а иной раз «на пропев», однако последнее все же мало вероятно: Г. Л. Крюков из всех сказителей рода Крюковых наиболее придерживался былинной классики.

ной структурой самого сказания, из которого труднее, чем в «Еруслане», выделить отдельные части в качестве самостоятельных сюжетов.

Но если «Бова» не оказал влияния на сюжетное содержание эпоса, то некоторые имена его героев нашли в былинах довольно значительное отражение.

Особенно популярным оказалось имя Полкана. В былинном эпосе Полкан встречается, с одной стороны, в числе богатырей князя Владимира, с другой стороны — как враг русского народа. В былине о первой поездке Ильи Муромца из Сборника Кириши Данилова среди могучих богатырей, рядом с Самсоном, Суханом и Святогором назван «Полкан другой»¹². Полкан-богатырь иногда присутствует вместе с Ильей Муромцем на Соколе-корабле¹³. В сводной былине «Илья Муромец» П. Г. Горшкова из Заонежья Иванищем-Полканищем назван встретившийся Илье «калика»¹⁴. Но в той же былине имя Полкан применяется и к Идолишу, который назван Полканом Полкановичем¹⁵. А в былине «Данила Игнатьевич и Михаила Данильевич», записанной в Повенецком уезде¹⁶, у «короля нечестивого» оказывается «пятьсот у него Полканов-богатырей».

Двойственное употребление имени Полкана в былинах соответствует роли этого персонажа в повести о Бове, где сперва он появляется как враг, и с ним борется Бова, а затем, после победы последнего, он становится преданным слугой и товарищем героя. Популярности имени Полкана способствовало широкое распространение лубочных картинок с изображением Полкана. Помимо лубочных листов с текстом всей сказки, которые включали и картинку, изображающую бой Бовы с богатырем Полканом, издавались и отдельные изображения этого боя с кратким и с развернутым текстами¹⁷.

Важно подчеркнуть, что имя Полкана появляется в записях былин уже в XVIII в., что говорит о быстром приобретении им популярности в устной эпической традиции.

Была попытка представить Полкана персонажем чисто русским, соотнося вторую половину имени — «кан» — к слову «конь» и толкуя таким образом это имя как «полу-конь»¹⁸. Но несостоятельность этой попытки при совершенно ясной переделке имени «Полкан» из «Pulican», «Pulican» — имени персонажа итальянской повести «Buovo d'Antopa», источника нашего «Бовы» — была отмечена в те же 1860-е годы¹⁹.

Так же несостоятельна попытка и имя Лукопера (Lucafer, Lucaferno итальянского текста повести о Бове) произвести от славянских языковых корней, истолковать как «Луко-пёр», то есть «напирающий на лук»²⁰.

В былинах Лукопер встречается как враг, что соответствует его роли и в сказании. В одной из былин о Василии-пьянице²¹ Лукопер-

¹² Древние российские стихотворения, собранные Кириешу Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов, М.—Л., 1958, № 49.

¹³ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 1, М., 1860, стр. 22 (саратовский вариант); Былины новой и недавней записи. Под ред. В. Ф. Миллера, М., 1908, № 17 (вариант из Енисейского округа) и № 18 (из Якутской области).

¹⁴ А. М. Астахова. Былины Севера, т. II, М.—Л., 1951, № 157.

¹⁵ Там же, стр. 349, 351.

¹⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II, изд. 2-е, М., 1909, № 104.

¹⁷ Д. Ровинский. Указ. соч., стр. 82.

¹⁸ См. «Заметку» П. А. Бессонова в сборниках: П. Киреевский. Указ. соч., вып. 4, М., 1862, стр. CLXXXVIII—CLXXXIX и «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», ч. II, изд. 1-е, М., 1861, стр. CCXXXV.

¹⁹ См., например: Ор. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское, СПб., 1869, стр. 449.

²⁰ П. Киреевский. Указ. соч., вып. 4, стр. CLXXXV.

²¹ П. Киреевский. Указ. соч., вып. 2, стр. 93—96 (вариант из Нижегородской губ.).

богатырь — зять Батыя и вместе с ним подступает к Киеву. Василий-пьяница, выстрелив в стан неприятеля, попадает Лукоперу в правый глаз, после чего Батый требует от князя Владимира выдать ему «виноватого». Ситуация в «Бове» имеет некоторое сходство с данной: Бова убивает в бою сына Салтана Салтановича, богатыря Лукопера; обманым образом Бова послан к Салтану, и тот злорадствует, что ему в руки попался виновник смерти сына. Возможно, что это, правда отдаленное, сходство ситуаций послужило поводом к внесению в былинку имени Лукопера.

Вероятно, изображение чудовищных размеров Лукопера в русских обработках «Бовы», явно навеянное образом Идолища в былинах («голова как пивной котел», «у него промеж плечами сажень мерная и такового богатыря, подобного ему, нигде нет на свете»)²², вызвало перенесение этого имени и на богатыря Святогора²³.

В роли врага эпос знает и Салтана Салтановича (в западном источнике — soldan). В мезенском варианте былины «Илья Муромец и Кудреванко» фигурирует «злой неверной пан да молодой Салтан да сын Салтанович, Кудреван да царь да Кудреванович»²⁴. «Большой Салтан Салтанович» нападает на Сокол-корабль и поражен стрелой Ильи Муромца — в былинке о Соколе-корабле из рукописного вологодского сборника самого начала XIX в.²⁵. Думаем, что и в этих случаях имя навеяно припоминаниями из «Бовы» (а не образовалось независимо от повести просто из слова «султан»), тем более, что во второй половине XVIII в. были выпущены специальные народные картинки с изображением «сильного богатыря, царя Салтана Салтановича» — персонажа «Бовы»²⁶. Кроме того, в восьмилстовом издании полной сказки о Бове-королевице одна из картинок тоже изображала Салтана Салтановича в тот момент, когда к нему является Бова с подложной грамотой, якобы от Зензевея²⁷. Но, конечно, ассоциирование со словом «султан» и с темой борьбы против турок помогло усвоению этого имени эпосом²⁸.

От «Бовы» идет и наименование Личардой предателя, интригана, злого советника князя Владимира в кулойских былинах на сюжет Данилы Ловчанина (в западном источнике — Ricardo)²⁹. Его роль в былинке в известной степени совпадает с обликом его в повести — и как верного слуги, и как предателя. Он помогает сперва своему королю, Гвидону, жениться на Милитрисе Кирбитовне, а затем — Милитрисе погубить своего мужа, чтобы выйти замуж за царя Додона. В былинке Личарда придумывает коварный план, как погубить Данилу, чтобы князь Владимир мог овладеть его женой³⁰.

Имя самого Бовы встречается в былинном эпосе редко, и упоминание о нем носит случайный характер. Так, в одной былинке о неудавшейся женитьбе Алеши Поповича мать Добрыни сообщает сыну

²² Д. Ровинский. Указ. соч., стр. 93.

²³ См., например, побывальщину об Илье и Святогоре пинежского сказителя Василия Кокорина, где Святогор именуется Лугопетом-богатырем (А. М. Астахова. Былины Севера, т. II, № 101).

²⁴ А. М. Астахова. Былины Севера, т. I, М.—Л., 1938, № 44.

²⁵ В. Ф. Миллер и Н. С. Тихонравов. Былины старой и новой записи, М., 1894, Отд. II, № 16.

²⁶ Д. Ровинский. Указ. соч., стр. 115.

²⁷ Там же, стр. 84.

²⁸ «Турецкий царь Салтан Салтанович» изображен также в варианте XVIII в. песни о Ермаке в Азовской тюрьме (Кирша Данилов. Указ. соч., № 40).

²⁹ См. имя Личарды: А. Д. Григорьев. Архангельские былины и исторические песни, т. II, Прага, 1939, № 22, 40, 44. Там же, № 80, 84 — переделки этого имени: Личя, Вичара, Вича.

³⁰ Было отмечено еще А. Д. Григорьевым (Григорьев. Указ. соч., т. II, стр. 520).

по его возвращении, что его молодая жена «придумала» идти замуж «за того же Олешеньку за Поповича, а того же Бобы за королевица»³¹. Здесь имя Бовы упоминается, очевидно, как синоним признанного красавца³². Вспомним, что в повести Бова отличается необыкновенной красотой, вызывающей всеобщее восхищение.

Имена героев «Бовы» встречаются и в сказках о богатырях. В сказке об Илье Муромце И. К. Лопинцева из Кандалакши³³ Бова-королевич замещает собой Ивана русского богатыря в эпизоде, перенесенном из сказания о Еруслане: Илья Муромец наезжает на шатер. В нем спит Бова-королевич. Разбуженный громким криком Ильи, Бова выскакивает из шатра, бьется с Ильей, последний побеждает, и богатыри братаются³⁴. Бова говорит Илье про Соловья-разбойника, и они вместе едут против него. Далее, однако, Бова исчезает из действия, и победу над Соловьем одерживает один Илья.

Бова королевич сын действует также в сказке о Голе Воянском из сборника Бронницына как спутник Голя рядом с богатырями Чурилой Пленковичем и Ерусланом Лазаревичем³⁵. Полкан в сказках не раз замещает собой Идолище³⁶ или является предводителем вражеской рати, с которой борется герой³⁷. Упоминается в богатырских сказках и Лукопер³⁸.

Изредка в сказках о богатырях русского эпоса встречаем отдельные случаи перенесения целостных эпизодов из «Бовы». Так, известным эпизодом из «Бовы», повествующем, как юный герой, не имея оружия, хватается метлу, мчится с нею на врагов, и побивает их, навеяна следующая сцена в сказке об Илье Муромце, записанной М. Е. Соколовым в Петровском уезде Саратовской губернии в 1904 г.³⁹: Илья Муромец, увидев под Черниговом неожиданно появившееся войско врага, вырывает десять дубов с корнем, складывает их в метлу и ею поражает врагов. Между прочим, указанный эпизод из «Бовы» отражен был в яркой картинке на обложке лубочных книжек с текстом сказки о Бове-королевиче⁴⁰. В перенесении эпизода в сказку об Илье Муромце могло сказаться и зрительное восприятие образа.

Другой случай: в одной коми сказке об Илье Муромце, записанной в 1948 г.⁴¹, в числе подвигов Ильи оказывается победа над Полканом-богатырем. При этом Полкан, как и в русских переделках «Бовы», — полуконь. Илья побеждает. Полкан просит не убивать его: он будет Илье верным слугой (также совсем по «Бове»). Но в дальнейшем повествовании этот эпизод никак не используется. О Полкане более нет речи. Эпизод явно вставлен для усиления героической линии сказки.

³¹ А. Григорьев. Указ. соч., т. II, стр. 134.

³² Отметим, что имя «Боба» вместо «Бова» употребляла и М. С. Крюкова в указанном выше стихотворном переложении сказания.

³³ А. М. Астахова. Былины Севера, т. II, Приложение III.

³⁴ Ср.: Д. Ровинский. Указ. соч., т. I, стр. 48, 49.

³⁵ Русские народные сказки, собранные Богданом Бронницыным, СПб., 1838. Сказка перепечатана у Афанасьева (см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах, т. III, Гослитиздат, М., 1940, стр. 349) и в кн.: Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века, М.—Л., 1961, № 21.

³⁶ П. Киреевский. Указ. соч., вып. I, стр. XXXIV.

³⁷ См., например, Д. Ровинский. Указ. соч., т. I, стр. 167—169.

³⁸ Там же, стр. 164.

³⁹ Труды Саратовской архивной комиссии, вып. XXIV, Саратов, 1908.

⁴⁰ См., например: Полное сказание о славном, сильном и храбром богатыре Бове-королевиче и о прекрасной супруге его королевне Дружевне. Соч. И. Ивина, К., изд. Т. А. Губанова, 1894.

⁴¹ Архив Коми филиала АН СССР. Очень признательна А. К. Микшуеву, пригласившему мне эту сказку в собственном переводе на русский язык.

Наши наблюдения над отголосками сказания о Бове в былинах и сказках на былинные сюжеты перекликаются с наблюдениями Е. Н. Елеонской над отражениями сказания в волшебных и авантюрных сказках. Отражения эти, по словам автора, «довольно бледны», детали повести, задержавшиеся в сказках, «стали едва заметными», прочнее держатся собственные имена. Отражение повести «сведется, наконец, лишь к употреблению имен действующих лиц»⁴².

Перенесение имен из «Бовы» в устную былинную и сказочную традицию обусловлено тем, что эти имена стали прозвищами, характеризующими определенные типы. Интересно в этом плане сообщение Н. П. Лихачева, что по документам конца XVI—начала XVII вв. он установил бытование в Московской Руси некоторых таких прозвищ, взятых из сказания, а именно прозвищ «Бова» и «Лукопер»⁴³. По словам Н. П. Лихачева, «Бова — это силач, молодчина», а прозвище «Лукопер» — «синоним детины огромного и несуразного».

⁴² Е. Н. Елеонская. Указ. соч., стр. 165—166.

⁴³ Н. П. Лихачев. Любопытные прозвища..., «Библиограф», 1893, № 23, стр. 158.

Кафедра русской литературы Ленинградского университета
